

УДК 94(470.56)“1922/1938”:002(09)

Д. А. Сафонов**Стенгазеты как элемент советской действительности 1920—1930-х годов**

В статье подводятся итог многолетнего поиска и изучения стенных газет Оренбургского края на начальном этапе их существования в первые десятилетия советской власти. В рассматриваемый период стенные газеты воспринимались как безусловная часть периодики, и потому они несли те же функциональные обязанности, что и прочая советско-партийная пресса. Изменение отношения власти к стенным газетам в 1930-х гг. было продиктовано ростом возможностей печатной агитации и ставкой партии в деле пропаганды прежде всего на печатные издания. Впервые составлен каталог стенных газет.

Ключевые слова: стенные газеты, корреспонденты, пропаганда, цензура.

Стенные газеты всегда воспринимались как неотъемлемая часть «советского» бытия, но часть малоценная, и восприятие это происходило более на эмоциональном уровне. Практически все, кто вспоминал и вспоминает о стенгазетах своего «советского» прошлого, снисходительно ироничны в отношении раскрашенных листов ватмана, создаваемых в школе или организации к «красному дню календаря», или многочисленных и одновременно типовых «сатирических» «Ежиков», «Колючек» и т.п. Историческая память общества о стенгазетах поздней советской эпохи вольно или невольно побуждает воспринимать таковые как нечто неизменное. Между тем, по нашему убеждению, стенные газеты, действительно существовавшие на всем протяжении «советского» периода нашей истории, в своем развитии прошли несколько качественно различающихся этапов, первым из которых можно полагать время 1920—1930-х гг.

Отечественное источниковедение фактически исключало стенные газеты из общего числа источников, относящихся к периодике. Так, пособие 1966 г. упоминало о стенгазетах только раз — что многотиражки создавались на базе стенных газет [54, с. 271]. В более поздних книгах (1998, 2010) нет и этого [44, 45]. С другой стороны, в чем может быть смысл анализа стенгазет — ввиду почти полного отсутствия источниковой базы таковых.

Тем не менее в последнее время исследователи стали обращаться к теме стенных газет как 1920-х гг. [43, 48, 52, 53], так и других периодов [46]. Они сходятся во мнении, что это была неотъемлемая часть партийно-советской печати, а значит, и пропаганды, в то же время своеобразная и специфическая. Цели ее понимаются авторами по-разному: как средство приобщения подрастающего поколения к происходящим событиям, а также социализации, воспитания активной жизненной позиции [53, с. 192], подготовки кадров для печатных изданий [53, с. 192]; усиление общественно-политической активности передовой части рабочих и служащих совхозов [48, с. 29]; непосредственное воздействие на каждого жителя как члена первичного трудового коллектива [46, с. 137]. По оренбургским стенгазетам специальных работ нет. Впервые к ним как источникам мы обратились в 2004 г. в книге «Периодика Оренбургского края», где сообщалось о некоторых стенных газетах преимущественно второй половины 1920-х гг. [51]. В настоящее время мы располагаем более детальной информационной картиной. Первое упоминание о стенных газетах в Оренбуржье датируется 1920 годом: в пионерском отряде при военной школе «Красный курсант» создавались свои звеньевые газеты и рукописные журналы. Известно о существовании звеньев «Летчик», «Техник», «Шофер», «Заря», «Искра», «Пчела», «Безбожник». Соответственно столько же должно было быть газет [9, л. 59]. Собственно стенгазеты отмечаются с 1922 года.

© Сафонов Д. А., 2015

В настоящей работе рассматривается период 1922—1938 гг. Разумеется, создание стенных газет после 1938 года не прекратилось; но мы полагаем период в указанных хронологических рамках особым, имеющим свои характерные черты. Территориально по Оренбуржью мы берем стенгазеты с 1934 года — в пределах области, ранее — в районах, в дальнейшем вошедших в состав области. Всего за период 1922—1938 гг. нами предметно установлено наличие минимум 340 изданий, 287 (84,4%) из них известны по названиям. Принцип подсчета: первое упоминание в документах или точно указанное время выхода — т.е. если отмечено, что газета выходила в 1923—1925 гг., то она засчитывалась как статединица в каждом из этих годов. Данные приведены в таблице 1.

Таблица 1

Данные о количестве стенных газет в Оренбуржье в 1922—1938 гг.

Год	Количество стенгазет, основанных в этом году	Общее количество стенгазет, выходявших в году (в том числе продолжающиеся)	Общие итоговые данные по другим источникам
1922	3	3	—
1923	15*	16	—
1924	35	46	—
1925	111	146	«Более ста»; по списку Гублита 45 [4, л. 62]
1926	11	54	—
1927	18	24	—
1928	32	36	59 [36]; только на Ташкентской ж.д. 120—130 [51, с. 79]
1929	33	38	103 [36]
1930	1	1	—
1931	Информации нет	Информации нет	Информации нет
1932	Информации нет	Информации нет	Информации нет
1933	7	7	—
1934	21	26	Более 1000 бригадных стенгазет [11]
1935	2	5	—
1936	3*	5	—
1937	40	42	—
1938	8	12	—

* Отмечены случаи, когда в документах говорилось неопределенно о «нескольких» газетах; в этом случае прибавлялись две единицы.

«Количество стенгазет» и «общее количество» даются по нашим подсчетам, основанным на материалах, приводимых в приложении. По 1931—1932 гг. нет данных, но не по причине прекращения изданий, а вследствие изменения ситуации по их учету. Специальный учет стенгазет не велся никогда, скажем корректнее, нет никаких свидетельств в пользу существования учета: по 1924 г. есть некоторые списки названий, по 1925 г. — подборка учредительных документов. Показательна информация в «Смычке»: «Группой добровольцев рабочей бригады “Смычки” начат учет городских стенгазет» [37] — и это в 1929 году! Практически по всем газетам 1929 года мы не можем констатировать продолжение издания в следующем году по причине отсутствия документов, хотя логика подсказывает, что они должны были продолжать выходить.

За весь рассматриваемый период подлинников сохранилось немного — до нас дошло только три номера двух изданий: это № 1 «Юнного коммунара» [именно «Юнный». — Д. С.] 1923 г. — издание Ново-Петропавловской организации Р.К.С.М. Ново-Покровской

волости Орского уезда (в Государственном архиве Оренбургской области) [6, л. 138] и № 1 и 2 «Огонек» — отряда ЮП (юных пионеров) «Серп и Молот» при коммуне «Правда» 1925 г. (в Центре документации новейшей истории Оренбургской области) [8].

Информация о стенгазетах получена из оренбургской периодики тех лет, а также из документации — прежде всего цензурных органов (Гублит).

Помимо русского языка газеты выходили на казахском (1922), татарском (1923, 1925 (6 газет)), трех языках — русском, татарском и казахском (1922, 1927); двух языках — «русско-казацком» (1924); русском и татарском (1925 (2 газеты), 1926). Это только установленные газеты, в реальности их было значительно больше. Например, в 1926 г. на выставке стенгазет Медикосантруда из 15-ти представленных одна была на казахском, одна на татарском языке (13%) [22].

В 1929 г. на выставку стенгазет от 16 учебных заведений Оренбурга было представлено 29 газет, из них 7 — на татарском и казахском языках (24%) [37].

Тиражность. Обычно подразумевалось, что раз газета сделана от руки, то это единственный экземпляр. Однако в зависимости от функциональных задач и технических возможностей (в частности, печатания материалов на пишущей машинке) экземпляров могло быть несколько. Так, например, стенгазета Оренбургского индустриального техникума (1923—1926) выходила в трех экземплярах: в техникум, мастерские техникума и подшефную деревню.

Регулярность выхода изданий. Судя по заявлениям, редколлегии стремились к регулярности, к этому же постоянно призывала шефская (губернская) печать, однако регулярный выпуск стенгазеты обеспечить удавалось не всегда — о целом ряде стенгазет из коротких критических заметок в «Смычке» нам известно, что в том или ином учреждении или организации «уже пятый месяц» висит старый номер стенгазеты с таким-то названием. Часто наблюдались перерывы в выходе стенгазет учебных заведений — на время каникул.

Отметим необычные названия стенгазет: «Живая речь» — в детском доме глухонемых¹, «Мысли вслух» — месткома союза связи, «Юные октябристы» — школа № 4 им. Песталоцци, Оренбург; «Юный октябрист» — 22-й отряд юных пионеров при Рабземлесе; «Вновец» — издание отдела Военно-научного общества, «Здоровье — залог счастья» — вендиспансера, «Иновец» — Института народного образования, «Красная шапочка» — газета милиции, «Аптработник» — аптечных работников, «Топор и якорь» — женщин правления Ташкентской железной дороги, «Струя» — газета пожарников.

Следует учитывать, что понимание роли печати, ее задачи и цели в новых условиях советской эпохи значительно отличались от аналогичных дореволюционного периода. Едва ли не самым определяющим был тезис о кратковременности жизни газеты. Например, пункт 3-й так называемой «Заповеди рабочему и крестьянскому корреспонденту» гласил: «Помни, что газета живет один день. Газета — однодневка. То, что важно и интересно сегодня, то может потерять всякое значение завтра» [18; 20, с. 41—42]. Это следовало понимать как задачу сделать каждый номер газеты максимально приближенным к проблемам сегодняшнего дня.

Принципиально новым в эти годы является становление сети корреспондентов с мест. Масштабов подобного начинания не знала дореволюционная периодика. Оно было действительно массовым: появлялись не только «селькоры», «рабкоры», «юнкоры», но и

¹ Журналист «Смычки» в небольшой заметке рассказывал о праздновании годовщины Великого Октября в детском доме глухонемых. Среди прочего он упомянул первый (октябрьский) номер их стенгазеты, висящий в ленинском уголке: «И это название не казалось странным: Октябрь действительно дал живую речь этим глухонемым, принес живую жизнь в их мертвый мир» [24].

«милкоры» (милицейские корреспонденты), «камкоры» (камерные — в Илецком изоляторе), «пинкоры» (пионерские) и др.

Как писалось тогда, рабкоры вели борьбу с бесхозяйственностью, расточительством, волокитой и бюрократией — «активно вели свою обличительную работу». При этом добровольным корреспондентам предлагалось писать о любых замеченных недостатках и безобразиях. Конечно, не все сообщаемые факты находили отражение на страницах газет, но редакции своевременно передавали жалобы по назначению для соответствующего реагирования на них. Власти строжайше требовали реагирования на газетные публикации: так, циркуляр НКЮ КССР от 13 октября 1924 г. обязывал прокуратуру поддерживать тесную связь «с органами Советской печати — путем проверки и расследования разного рода газетных заметок, содержащих в себе указания на признаки каких-либо преступлений или проступков». Нарком ставил задачу «систематически информировать органы печати о результатах дознаний, следствий и судебных процессов, возникших по газетным статьям» [10, с. 478]. В губернской газете «Смычка» приводились данные, что по разделу «Рабочая жизнь» за год было получено 1665 рабкоровских заметок. Из чего делался вывод, данный большими буквами через всю полосу: «Рабкоры писали не зря. Десятки и сотни лиц понесли должное наказание за свои проступки» [34].

Власти — центральные и местные — активно культивировали особость добровольных корреспондентов. Многозначительно название материала 1925 г., распространяемого РОСТА: «селькор — помощник партии и власти». Так же говорили о себе и они сами: «...мы, как первые помощники партии...» [19]. Девятая Орская уездная партконференция вынесла особое решение: «Придавая колоссальное значение печати и принимая во внимание участвовавшие случаи убийств и покушений на селькоров и рабкоров, взять их под покровительство Советских органов через соответствующие органы, в то же время ведя им учет на предмет выдвижения на общественные работы в деревне» [7, л. 154]. Наркомат юстиции КССР разослал специальный циркуляр «В защиту рабочих и сельских корреспондентов», где, в частности, действия в отношении таковых квалифицировались как контрреволюционные, причем никаких различий между рабселькорами печатных изданий и стенгазет не делалось — равно «печатного органа или стенной газеты» [40].

Четко заявленной определенной грани между темами сообщений относительно того, заслуживают ли они внимания печатной прессы или же их место в стенгазете, не было. Но грань между менее и более значимыми темами существовала. Показателен ответ в так называемом «почтовом ящике» «Нашим рабкорам»: «Скамейке. Напишите в стенную газету, если не поможет, пишите нам» [26].

Проверка результативности газетных публикаций была одной из форм обязательной отчетности каждой газеты. В распоряжении исследователей по интересующему нас периоду есть только далеко не полный архив «Орских известий», хранящийся в Госархиве Оренбургской области. Анализ присланных жалоб дает возможность получить некоторое представление о круге вопросов, которые полагались объектом именно печатного издания. Только за период с 1 января 1926 г. по 1 апреля 1926 г. по содержанию претензий выстраивается следующая картина: на нерегистрацию и незастрахование батраков — 9, неправильное распределение земельных наделов — 3, действия органов милиции — 2, бесхозяйственность в кооперативных органах — 7, бездеятельность заготовительных и ссыпных пунктов — 5, о самогонщиках — 3, на пьянство представителей деревенской власти — 6, о продаже товаров выше этикетной цены — 3, о насильственной выдаче в замужество — 1, на действия К.К.О.В. — 2, о деревенском аборте — 1, различные разоблачения (засилье кулаков и т.д.) — 9 [7, л. 51].

Вероятнее всего, дело было в масштабности — стенгазета должна была писать прежде всего о конкретном предприятии: непорядках, недостатках, достижениях, жизни и интересах [21]. Имеется еще более четкое заявление: «Печати трудно охватить на своих страницах весь живой конкретный материал — этот пробел заполнен путем издания стенных газет... Сотни «мелочей», — «мелких недостатков нашего механизма, аппарата», иногда совершенно незаметных для газеты обычного типа, устраняются благодаря стенгазете» [29].

Определенную концепцию роли стенных газет на том историческом отрезке можно встретить в статье А. Савина, опубликованной в 1924 году. Уместно привести некоторые принципиальные моменты. Он, в частности, писал: «Наши периодические газеты еще не могут достичь удовлетворительного охвата рабочего быта, удовлетворить его запросам во всей их многообразности и вполне отобразить его культурный рост. Это творческое начало находит выход в издании стенных газет. Возникает ряд стенных газет — фабричных, крестьянских, красноармейских, комсомольских» [50, с. 23]. Отсюда выходило, что эти газеты имеют важное воспитательное значение — через вовлечение трудящихся в качестве корреспондентов и читателей. Газеты эти играют «роль бойцов нового быта», — эмоционально восклицал Савин. Первоочередной задачей он полагал необходимость перехода «к планомерной работе по насаждению, учету и руководству ими». Любопытно подчеркнуть, что, по мнению автора, стенгазеты должны были более всего находиться под контролем профсоюзов — «за профсоюзами остается важная задача учета и общего руководства путем инструктирования и устных указаний». Какими видел себе автор стенные газеты? В первую очередь он полагал важным бороться с односторонностью, например увлечением «обличительством». Кроме того, стремиться к тому, чтобы стенгазета не превратилась «в неудачную копию больших газет». «Внимание мелочам, — писал он, — основная программа стенной газеты и ее назначение». Необходимым полагал он сохранение стенных газет «как побегов пролетарской мысли, пролетарского творчества» [50, с. 24—25].

Чем объяснить подобный взлет значимости стенных газет в рассматриваемый период? Авторы, пишущие о проблемах советской печати 20-х годов, основное внимание уделяли и уделяют проблемам цензуры, усиления партийного диктата и проч., связывая судьбы изданий прежде всего с воздействием подобных факторов. Однако нам представляется, что проблемы материальной базы были не менее значимыми: например — нехватка газетной бумаги. В пределах Оренбургской губернии бумага не производилась. Между тем объемы тиражей диктовались прежде всего потребностями. Сама логика подсказывает, что для большей эффективности идейного воздействия печатной продукции таковую следовало распространять как можно шире. Потому неудивительно, что коллегия Отдела Управления циркулярно требовала от всех волостных советов обязательной выписки газет (решение от 2 июня 1919 г.) [1, л. 119 об. — 120].

При нэпе периодике следовало выживать самостоятельно; вполне логично было возвращение изданий к проверенной системе подписки. Но в условиях бумажного кризиса Наркомат почт и телеграфа потребовал (распоряжение от 1 мая 1921 г. № 21-231/у) «немедленно прекратить подписки частную и коллективную»: «Подписку принимать исключительно от организаций Советов. Высылка газет всей принятой подписки прекращается с 1 мая, за исключением газеты “Беднота” для сел, деревень» [2, л. 1]. Ситуация не улучшалась — секретная директива ЦК № 352/с от 25.1.1926 г. в связи с серьезными затруднениями в снабжении бумагой указывала, что, согласно постановлению ЦК, предлагается немедленно сократить объем газет: губернских провинциальных — до 4-х полос большого формата, уездных — 4-х полос половинного формата [3, л. 43].

Бумажный кризис возник в связи с сокращением импорта бумаги, и выход был найден в максимальной экономии. От газет требовали «строжайше» выполнять нормы размеров газет, не допускать «искусственного вздувания» тиражей, сократить число ведомственных изданий, закрыть «нецелесообразные» приложения к газетам. И своеобразным выходом, позволяющим совместить идеологическую работу с бумажными трудностями, оказались стенные газеты.

Глубоко ошибочно ставить знак равенства между стенгазетами, например, 1980-х гг., и рассматриваемого периода. Тогда к стенным газетам было совершенно иное отношение как у общества, так и у властей. В соответствующих делах, сохранившихся в госархиве Оренбургской области, присутствуют документы, однозначно свидетельствующие в пользу того, что тогда стенные газеты воспринимались совершенно на том же правовом и статусном уровне, что и печатные издания.

В 1922 г. был создан так называемый Главлит, в задачи которого входил предварительный просмотр всех предназначенных к распространению произведений, выдача разрешений на издание. Фактически восстанавливалась предварительная и последующая цензура. Оренбургский гублит создан был 15.12.1924 г. Практически сразу же он потребовал перерегистрации всех подотчетных органов: театров, кино, клубов, типографий, фотографий, граверных мастерских, «книго-магазинов», стенных издательств — обратим внимание, что стенгазеты названы в общем списке [5, л. 2]. На каждое издание Гублит выдавал «удостоверение»: «Настоящим Губернское Управление по делам литературы и издательства (Гублит) разрешает _____ издавать _____ под названием _____ согласно утвержденной программе и с соблюдением установленных на сей предмет правил. Ответственным редактором является _____. Тираж _____ экз. Объем _____ тип. лист. Зав. Гублитом _____» [5]. И указывался срок действия удостоверения. Подобные документы заполнялись абсолютно одинаково как на печатные, так и стенные издания.

Гублит был создан несколько позже того момента, когда стали возникать стенные газеты, потому на начальном этапе основной задачей стало установление контроля над уже существующими газетами. С вновь возникающими газетами было как раз проще — поскольку они создавались уже по заданной схеме. В мае 1925 г. руководитель Гублита констатировал, что учет стенных газет и контроль за ними поставлен слабо даже в городе, что касается уездов, то там руководители этих изданий в полном смысле предоставлены сами себе [4, л. 27]. Вероятно, этим объясняется ошутимое расхождение в статистике: по данным Гублита, в 1925 г. было 45 стенных изданий, а по нашим подсчетам — 146, из них 111 вновь созданных. С редакторами заключалось «обязательство в допущении их к изданию стенгазет без предварительной цензуры» [4, л. 62]. Стенгазеты проверялись работником лито, после чего они получали разрешение на вывешивание.

В информационном докладе о работе Оренбургского Гублита за январь 1926 года говорилось, что «ввиду невозможности одному губинспектору вести цензурный просмотр местных периодических изданий данная работа в большей части возложена на отв. редакторов этих изданий... С целью недопущения в содержание стенгазет нежелательных сведений и проведения в них правильной и здоровой политической и идеологической линии Гублитом практикуется метод обязательного ввода в состав редколлегий стенгазет членов партии и комсомола, на которых и возлагается ответственность за содержание газеты. В исключительном случае допускаются ответственными редакторами стенгазет и беспартийные лица, проявляющие инициативу в общественной работе, стеснение чего Гублит находит нецелесообразным» [7, л. 3 об. — 4]. Вскоре просмотр стенгазет стал осуществляться «частично... инспектором и частично секретарями яч[еек] ВКП(б) и КСМ» [7, л. 27]. А еще через полгода, с декабря 1926 г., политконтролем ОГПУ введен

другой порядок работы, когда просмотренные Гублитом материалы подвергались вторичному просмотру: «Вся выходящая с разрешения Гублита печать до выпуска ее в свет предоставляется в политконтроль в одном экземпляре и с оригиналом для сверки, как и в Гублит» [7, л. 127].

Отдел печати губкома также пытался взять стенную печать под контроль — всем редакциям стенных газет рекомендовалось присылать номера в отдел печати после их использования и прочтения [39].

Со временем «бумажный голод» отступил, однако спада выпуска стенгазет не наблюдалось. Напротив, продолжался неуклонный рост. Показателен в этом отношении материал «О внешности стенных газет»: «Внешность стенных газет чрезвычайно пестрая. Одни построены лучше, другие хуже. А внешность газеты, ее лицо имеет огромное значение. Яркий заголовок, четкий шрифт, картинки притягивают глаз читателя. Серая же бесцветная простыня отталкивает. Как же сделать стенную газету технически интересной? Начнем с формата газеты. Формат наших стенгазет чрезвычайно разнообразный: одни длинные, как колбаса, другие широкие, как простыня, третьи, как говорят, ни богу свеча, ни черту кочерга. Ясно, что газеты такого формата многое проигрывают, читать «колбасу» неудобно, нужно пускать в ход «физкультуру», тащить скамеечки, чтобы прочитать верхние строки или нагнуться в три погибели, чтобы прочитать нижние. То же самое и с газетой-простыней. Какой же должен быть формат газеты? Формат газеты должен быть таков, чтобы к газете могли подойти два товарища и, читая, не пускали бы в ход физкультуру, чтобы она была удобно расположена на стене на видном месте. Газета должна быть расположена длинной полосой вдоль стены. Теперь о заголовке. До сих пор многие стенные газеты, смахивают скорее на лист распоряжений или объявлений, чем на газету. Такая газета мало привлекательна. Для того чтобы лист бумаги, вывешенный на стене, притягивал глаз, следует дать газете определенное название. К примеру, скажем, «Котел» — написать этот заголовок ярче, сопроводить название производственным рисунком. Возможно, что на некоторых предприятиях трудно достать свои художественные силы, придется заказать на стороне постоянный заголовок. Несколько слов о шрифте... Некоторые стенные газеты печатаются на машинке, некоторые пишутся от руки, некоторые выпускаются автографским способом и т.д., и во всех почти газетах заголовки статей и заметок не выделяются, а обыкновенно пишутся или печатаются одним шрифтом. Это большой недостаток. Заголовки статей и заметок должны быть выделены, т.е. написаны от руки цветными карандашами или красками так, чтобы заголовок бросался в глаза, в противном случае он будет сливаться с текстом. Теперь коснемся верстки, другими словами, расположения заметок и статей в газете. Зачастую однородный материал разбросан как попало без всяких отделов. Это неправильно. При такой «верстке» материал хуже укладывается в голове читателя, чем если бы он был разбит по плану. Кажется, газета должна завести постоянные отделы и уголки, примерно разбивая разделы в следующем порядке: партжизнь, профжизнь, жизнь РЛКСМ, рабочая жизнь, быт, жизнь работницы и др.» [41].

Вплоть до 1927 года происходила выработка самого механизма стенной печати, требований к ней, правил оформления и подачи материала. Судя по заметкам и откликам в губернской прессе, основное внимание уделялось иллюстрациям, соблюдению регулярности выхода. Критериями качества помимо «правильной» подачи материала были участие во всех общегосударственных и региональных кампаниях и наличие сети стенко-ров. Регулярным явлением были смотры стенных газет различного формата. Это давало возможность следить за их качеством, подгонять и критиковать отстающих и просто дисциплинировать редколлегии. В 1926 г. была выставка стенгазет Медикосантруда [22], ко

второму Губернскому совещанию рабочих, крестьянских и красноармейских корреспондентов была организована общегородская выставка стенных газет [23]. И далее: конкурс женских стенных газет (май 1928), выставка-конкурс стенгазет 1-го района (июнь 1928), Орская выставка газет (июнь 1928), обследование стенных газет в Орске и по линии железной дороги (сентябрь 1928), Оренбургская общегородская выставка стенгазет (май 1929). «Смычка» писала: «...конкурсы, переключки, смотры — это главнейшее оружие, используя которое стенгазеты сумеют поднимать и организовывать общественное мнение молодежи вокруг конкретных задач» [36].

Одновременно шло обучение тех, кто делал эти газеты, — в 1927 г. на страницах губернской «Смычки» регулярно появляется «Уголок рабкора» с показательными заголовками статей: «Как строить доклад о работе редколлегии стенных газет», «Как строить номера газет» [28], «О статьях, верстке и заголовках стенгазет» [30]; «Лицо юбилейной газеты к десятилетию Октября» — как подбирать материал, верстать газету [31].

Интересно отметить настойчивость, с которой партия стала открепиваться от своей причастности к стенгазетам: «Требует внимания вопрос о заголовках: одни именуют себя органом фабзавместкома, другие органом ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ, «Кожевник» именует себя «органом издания ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ», «Мысли вслух» — «органом печати ячеек ВКП(б), ВЛКСМ и союза связи». Между тем вопрос о том, чьим органом является стенная газета, разрешен в августе прошлого года решением ЦК ВКП(б) — органами масс» [30]. «Организация рабкорских кружков отдельно от стенгазет еще не изжита. Нужно отказаться от именованья газет органами партячеек» [32].

Новый этап начался в 1927 г., когда рабкоры перешли «от освещения мелких недочетов к более серьезному освещению вопросов рационализации производства, изжитию бюрократии и борьбе за культурную революцию». Было организовано более десяти рабкорских ячеек по предприятиям, специальный женский рабкорский кружок из делегатов первого района, специальные курсы по подготовке руководителей рабкорских кружков и редколлегий стенгазет. Тогда же широко распространилась (разумеется, не спонтанно) идея перехода стенных газет на так называемую «ильичевку». Губернская газета поясняла, что это современный прогрессивный метод создания стенгазет, уже принятый в столицах. Стенгазета-«ильичевка» делалась по способу альбома-книжки из картона: «Куски картона закреплены между собой прочным коленкором и если растянуть их — то получится длинная лента, состоящая из отдельных звеньев, которые можно сложить, развернуть, поставить. Вся газета состоит из картонных квадратиков. В каждый квадратик, в особые «гнезда» на углах вставляются листы бумаги с текстом, рисунком и т.п. Так по кусочкам составляется вся газета. Главное удобство — газету можно не только повесить на стене, но и поставить на столе» [25]. «Смычка» не упоминала еще одного важного момента — материалы в такой газете можно было менять частями, и поэтому газета становилась постоянно действующей.

Заостренность на текущей политике — более чем на ранее декларируемых местных производственных проблемах — вот что характерно для стенгазет начиная с 1927 г. Есть мнение, что «закручивание идеологических гаек» в отношении стенгазет начинается с 1931 г. — «период “стенгазетной” вольницы завершился постановлением ЦК ВКП(б) 1931 г. “О перестройке рабселькорского движения”» [43, с. 189]. На наш взгляд, все началось раньше. В марте 1927 г. «Смычка» помещает большой материал «Предстоящий трехдневник по матмладу и роль в нем стенгазет» — стенгазетам рекомендовалось ответить в газетах специальный уголок по охране материнства и детства; предлагалось 11 вариантов тем для статей типа: «Некультурность матери ведет к гибели ее ребенка», «Ка-

ждающая мать должна знать, как ухаживать за ребенком», «Аборт — социальное зло» и др. [27]. В апреле 1928 г.: «Стенгазеты ведут борьбу с бюрократизмом» [33]. В январе 1929 г.: большой материал «Стенгазеты и текущие кампании» [35]. В марте 1929 г.: оживить работу с юнкорами и молодежными стенгазетами — «юнкорское движение должно быть одной из главнейших форм массового вовлечения молодежи в борьбу против классового врага, бесхозяйственности, бюрократизма и др. отрицательных явлений» [36]. Сентябрь 1929 г.: «Основное внимание — проверке выполнения стенгазетами директив партии и власти» [38].

Ко времени создания Оренбургской области (1934 г.) в политике в отношении стенгазет в области наблюдается несколько новых качественных моментов. Ставка делается прежде всего на печатные издания. Показательно, что статистика более никого не интересует — в материале ко Дню печати только упоминается, что «несколько десятков политотдельских газет выходит в совхозах... Количество бригадных стенновок перевалило за тысячу» [11]. Именно стенгазетам бригад начинает уделяться особое внимание: крайком указал в качестве одной из первоочередных «задачу организации бригадных газет в каждой тракторной, полеводческой и животноводческой бригаде» [11]; при редакции газеты «Орский рабочий» создаются курсы редакторов колхозных бригадных стенгазет [12].

Внимание к прочим стенным газетам явно падает. Даже в критических обзорах в областной газете почти не указываются названия критикуемых газет, а только предприятие или организация. И конечно же, сказывается 1937 год — год постоянной буквально истерии на газетных страницах относительно врагов народа на местах. В пользу того, что это был управляемый и направляемый процесс, говорит хотя бы такой факт — с первых же номеров «Оренбургской коммуны» 1938 года тема разоблачения конкретных «врагов», обязательно присутствовавшая в каждом номере 1937 года вплоть до конца декабря, просто исчезает. А раз процесс был управляем, то и критика стенных газет сводилась к тому же: в газете райтрансторгпита «Сигнал» «нет должной самокритики после массового разоблачения троцкистских вредителей на дороге» [14]; главной виной стенной газеты колхоза имени Молотова «Луч» было отсутствие «разоблачения врагов народа в колхозе» [47]. И это не единственные примеры.

Стенгазеты, а точнее создававшие их редакции, неожиданно оперативно отреагировали и на критику, и на пугающий непредсказуемыми последствиями для добровольных журналистов политический курс. Газеты стали просто исчезать. И если официальные печатные издания исчезнуть никак не могли, то у изданий на добровольных началах, изданий трудовых коллективов это получилось. Власти не сразу поняли, что происходит. «Оренбургская коммуна» явно не без удивления констатировала полное исчезновение стенных газет в Кваркенском районе — причем этого не замечают ни районная газета, ни райком партии [13]. Другой журналист сообщал по Сорочинскому району: «...года два-три назад в колхозах Сорочинского района насчитывалась не одна сотня общеколхозных и бригадных газет... теперь стенная газета редкое явление. Мы побывали в 19 колхозах. Есть только в 4-х, но и они серенькие и беззубые» [49].

Получилось, что, несмотря на большую организационную работу последних лет, стенные газеты на местах если и сохранились, то почти исключительно по инициативе отдельных активистов: так, в 1937 году «Коммуна» заключала, что стенгазета «Стахановец» Коровинского сельсовета и правления колхоза «Завет Ленина» Мордово-Боклинского района, «пожалуй, единственная регулярно выходящая стенгазета в районе». Библиотекарь Комарова одна поддерживает жизнь газеты. Журналист подчеркивал: парторг тов. Суркова относится к редактору ехидно, издевательски «шутит» над активностью Комаровой [15]. В начале 1938 года на первом областном совещании рабселькоров селькор

Султанов из Ак-Булакского района сообщил, что в его колхозе стенгазета организована им лично и издается им же на двух языках: две колонки русского текста, две — казахского: «Мои непосредственные помощники — ученики, — сказал он. — Нам никто не помогает» [16]. Показательно, что именно это совещание призывало газеты в качестве первоочередной задачи «закрепить политическую активность масс, еще больше упрочить связь печати с массами, растить армию рабселькоров, вовлекать их в активную борьбу». «Совещание призывает беспощадно разоблачать врагов народа, решительно бороться за устранение недочетов, мешающих дальнейшему укреплению могущества нашей страны, смело развертывать критику на страницах газет» [17].

По сути, произошло исчезновение кадров в стенной печати, причем явно добровольное. И если в течение 1937 года областная газета неоднократно писала о разоблаченных врагах в редакциях печатных газет по области, то о врагах в стенных газетах не было ни одного упоминания.

Почти полным исчезновением кадров и можно объяснить «вдруг» возникшую кампанию оживления внимания к стенным газетам: проводятся слеты рабкоров и редакторов стенных газет, принимаются решения сделать их регулярными, для редакторов стенных газет организуются краткосрочные курсы, семинары-совещания. Такая массовая работа просто не могла не дать быстрых результатов; тем не менее подобные мероприятия массово организуются и в 1939, и в 1940 году. И это, на наш взгляд, свидетельствует о частой смене редакторов, а об уровне их общей подготовки говорят хотя бы темы на семинарах для редакторов 1940 года — «Как самостоятельно работать над книгой», как составлять конспекты [42].

Появление ряда названных новых факторов и дает нам основание сделать вывод о завершении первого этапа истории стенных газет советской эпохи. И хотя вся доказательная база основывается на местном, в данном случае оренбургском, материале, мы, тем не менее, полагаем возможным говорить о всеобщности как явления, так и факторов, с естественным допуском определенных особенностей или корректив в регионах. Курс в отношении печати, транслируемый в нашем случае губернской газетой, никоим образом не был местным курсом, а общегосударственным. Следовательно, можно говорить о всеобщности явления.

Целей создания стенных газет именно как массового явления может быть и было несколько. Это и приобщение молодежи к политике и политической активности, и стремление обеспечить население информацией в сложных условиях, и создание альтернативы печатной прессе в условиях «бумажного голода», и организация оперативного контроля за производством, и приобщение трудящихся к делу организации производства, и создание системы оперативного реагирования на недостатки, и усиление идеологического контроля, и выращивание через систему стенных редколлегий кадров для советской и партийной печати — перечень можно продолжать. Определенным недостатком исследований о стенной печати является то, что авторы, выбирая некоторый аспект большой темы, тем самым именно его вольно или невольно позиционируют как основной. Между тем, на наш взгляд, даже на относительно коротком временном промежутке, единой основной цели, ради которой вводились стенгазеты, выделить невозможно. Множественность задач и предопределила особость стенной печати как элемента складывающейся советской культуры.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 728.
2. ГАОО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 25.

3. ГАОО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАОО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 2.
5. ГАОО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 10.
6. ГАОО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12.
7. ГАОО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 28.
8. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 208. Оп. 1. Д. 630.
9. ЦДННАО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 541.
10. Вестник рабоче-крестьянского правительства... (Оренбург). 1924. № 19.
11. Оренбургская коммуна. 1934. 5 мая.
12. Оренбургская коммуна. 1936. 16 апр.
13. Оренбургская коммуна. 1937. 27 янв.
14. Оренбургская коммуна. 1937. 4 июня.
15. Оренбургская коммуна. 1937. 8 дек.
16. Оренбургская коммуна. 1938. 21 февр.
17. Оренбургская коммуна. 1938. 24 февр.
18. Оренбургский рабочий. 1923. 28 авг.
19. Пахарь. 1929. 26 апр.
20. Пролетарий. 1923. № 1 (3).
21. Смычка. 1926. 16 янв.
22. Смычка. 1926. 21 мая.
23. Смычка. 1926. 15 окт.
24. Смычка. 1926. 9 нояб.
25. Смычка. 1927. 10 февр.
26. Смычка. 1927. 22 февр.
27. Смычка. 1927. 4 марта.
28. Смычка. 1927. 29 апр.
29. Смычка. 1927. 5 мая.
30. Смычка. 1927. 2 июня.
31. Смычка. 1927. 12 окт.
32. Смычка. 1927. 21 окт.
33. Смычка. 1928. 27 апр.
34. Смычка. 1928. 20 мая.
35. Смычка. 1929. 30 янв.
36. Смычка. 1929. 1 марта.
37. Смычка. 1929. 31 марта.
38. Смычка. 1929. 20 сент.
39. Советская степь. 1924. 7 июня.
40. Советская степь. 1925. 13 февр.
41. Советская степь. 1926. 15 февр.
42. Чкаловская коммуна. 1940. 4 апр.
43. Веселовский А. Г. Особенности стеной печати в 1920-е гг. Тамбовские стенгазеты // Вестник Тамбовского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 2 (9118). С. 180—189.
44. Голиков А. Г. Источниковедение отечественной истории : учеб. пособие. 4-е изд., стер. М. : Академия, 2010.
45. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 1998.
46. Кузнецов В. В. Стенная печать Западной Сибири как источник по истории сельскохозяйственных реформ середины XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4 (64). Т. 4. История. С. 135—137.
47. Малышев В. Стенгазета на полевом стане // Оренбургская коммуна. 1937. 15 мая.
48. Мирошниченко М. И. Культурная политика как средство социокультурного воздействия в рамках парадигмы социально-исторического детерминизма (на примере совхозов Урала в 1921—1927 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2007. № 8 (80). С. 27—30.
49. Парфенов П. Стенные газеты // Оренбургская коммуна. 1937. 23 июля.
50. Савин А. О наших стенных газетах // Профессиональное движение в Киргизии. 1924. № 3 (13). С. 23—25.

51. Сафонов Д. А. Периодика Оренбургского края. Вып. 1. Первые сто лет. Оренбург : Оренбургская губерния, 2004. 489 с.
52. Скребнев В. А. Стенная печать Тамбовской губернии 1920-х гг.: методы формирования // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2014. № 12 (90). С. 109—111.
53. Старкова Г. И. Стенные газеты как форма проявления и средство развития социальной активности молодежи Удмуртии в 20-е годы XX века // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Кн. 5, ч. 2. Серия гуманитарные науки. 2009. С. 191—201.
54. Черноморский М. Н. Источниковедение истории СССР (советский период). М. : Высшая школа, 1966. 343 с.

Поступила в редакцию 25.02.2015 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список стенных газет Оренбуржья в 1922—1938 гг.

Названия некоторых газет на других языках, кроме русского, указываются на русском языке — так, как они названы в документации.

1922

1. **МОЛОДАЯ СИЛА.** Оренбург, 1922—1925
2. **СТЕПНОЙ РАБФАКОВЕЦ.** Оренбург, 1922—1925
3. **ЭНБЕК ЖИМЕ.** Оренбург, 1922—1925 (на казахском языке)

1923

1. **ВСХОДЫ.** Оренбург, 1923—1928
2. **ГОЛОС КРАСНОГО МИЛИЦИОНЕРА.** Оренбург, 1923
3. **ГУДОК.** Орск, 1923—1925 (?)
4. **ЖИЗНЬ КУРСАНТА.** Оренбург, 1923
5. **НОВЫЙ ТЕХНИК.** Оренбург, 1923—1926
6. **ОРЛЕСОВЦЫ** (в 1929 — **ОРЛЕСОВЕЦ**). 1925—1929 (?)
7. **ПО ЗАВЕТАМ ЦВИЛИНГА**¹. Оренбург, 1923
8. **ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ.** Оренбург, 1923—1925
9. **СИГНАЛ.** Оренбург, 1923—1926
10. **ТОЛКАЧ.** Орск, 1923—1925 (?)
11. **ФИНКУРСАНТ.** Оренбург, 1923
12. **ЮННЫЙ**² **КОММУНАР.** Ново-Покровская волость Орского уезда, 1923
13. **ЯШКЕРЕШЧЕ (ЮНЬ БОРЕЦ).** Орск, 1923—1925 (?) (на татарском языке)
14. После прекращения издания печатной газеты «Горно» в Главных железнодорожных мастерских Оренбурга выходили рукописные по цехам.

1924

1. **ВЕТЕРИНАР.** Орск, 1924—1925 (?)
2. **ВПЕРЕД.** Оренбург, 1924—1925

¹ Орфография оригинала.

² Орфография оригинала.

3. **ВСХОДЫ.** Орск, 1924—1925 (?)
4. **ГОЛОС СТРОИТЕЛЯ.** Оренбург, 1924
5. **ГОЛОС ЧЕКИСТА.** Оренбург, 1924—1925
6. **ГОРН.** Оренбург, 1924
7. **ДЕЛЕГАТКА.** Оренбург, 1924
8. **ДРЕЗИНА.** Оренбург, 1924—1925
9. **ЖИЗНЬ КУРСАНТА.** Оренбург, 1924
10. **ЗАРЯ.** Орск, 1924—1925 (?)
11. **ЗВЕЗДА.** Оренбург, 1924
12. **ЗЕМРАБОТНИК.** Оренбург, 1924 —1925 (?)
13. **КЛУБНОЕ ЭХО.** Оренбург, 1924—1925
14. **КОММУНАЛЬНИК.** Оренбург, 1924
15. **КРАСНАЯ ДЕРЕВНЯ.** Саракташский район, 1924—1926
16. **КРАСНЫЙ ТЕХНИК.** Оренбург, 1924—1926
17. **КРАСНЫЙ ШТЫК.** Оренбург, 1924—1925
18. **ЛУЧ В ДЕРЕВНЕ.** с. Гавриловка, Оренбургский уезд, 1924—1925
19. **МОПР.** Оренбург, 1924—1925
20. **МЫСЛИ ВСЛУХ.** Оренбург, 1924—1927 (?)
21. **НАШЕ ПЕРО.** Оренбург, 1924—1925
22. **НАШЕ СЛОВО.** Оренбург, 1924—1925
23. **ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ.** Оренбург, 1924
24. **Р.К.Х.** Орск, 1924—1925 (?)
25. **СВИСТОК.** Оренбург, 1924—1926
26. **СИГНАЛ.** Оренбург, 1924—1925
27. **СКОРПИОН.** Оренбург, 1924
28. **СТАНОК И ПАРТА.** Оренбург, 1924—1926
29. **ФИНРАБОТНИК.** Оренбург, 1924—1926
30. **ФОНОПОР.** Оренбург, 1924—1926
31. **ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПРОЖЕКТОР.** Оренбург, 1924—1925
32. **ШКОЛЬНЫЙ ЛУЧ.** Оренбург, 1924—1925
33. **ШЛЕМ.** Оренбург, 1924
34. **ЮНЫЕ ОКТЯБРИСТЫ.** Оренбург, 1924—1925
35. **ЮНЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННИК.** Оренбург, 1924—1926 («на русско-казакском языке»)

1925

1. **БАТРАК.** Каширинск, 1925
2. **БАТРАК.** Оренбург, 1925 (?)
3. **БЕСПРИЗОРНЫЙ РЕБЕНОК.** Оренбург, 1925
4. **ВНОВЕЦ.** Оренбург, 1925—1926
5. **ВПЕРЕД.** Оренбург, 1925 (издатель — литературный кружок при библиотеке им. Некрасова)
6. **ВПЕРЕД.** Оренбург, 1925 (издатель — 1 курс Оренбургского рабочего факультета)
7. **ВПЕРЕД.** Оренбург, 1925—1926 (издатель — школа № 30, на русском и татарском языках)
8. **ГОЛОС БАТРАКА.** Софиевка, Каширинский уезд, 1925
9. **ГОЛОС ИНВАЛИДА.** Оренбург, 1925
10. **ГОЛОС ПИОНЕРА.** Оренбург, 1925

11. **ГОЛОС ПИЩЕВИКА.** Оренбург, 1925 (?)
12. **ГОЛОС ПРОИЗВОДСТВЕННИКА.** Оренбург, 1925
13. **ГОЛОС ТЕКСТИЛЬЩИКА.** Оренбург, 1925
14. **ГРУЗЧИК.** Оренбург, 1925 (на татарском языке)
15. **ДЕЛЕГАТКА.** Орск, 1925 (?) (на русском и татарском языках)
16. **ДРУГ КНИГИ.** Оренбург, 1925 (?)
17. **ЖЕНСКИЙ ПУТЬ.** Оренбург, 1925
18. **ЗА НОВЫЙ БЫТ.** Оренбург, 1925
19. **ЗАКЛЮЧКА.** Оренбург, 1925
20. **ЗДОРОВЬЕ — ЗАЛОГ СЧАСТЬЯ.** Оренбург, 1925
21. **ЗДОРОВЬЕ КРАСНОЙ СТЕПИ.** Оренбург, 1925
22. **ЗЕМРАБОТНИК.** Оренбург, 1925
23. **ЗЕРКАЛО ФАБРИКИ.** Оренбург, 1925
24. **ЗОРКОЕ ОКО.** Оренбург, 1925 (?)
25. **ЗОРЬКА.** с. Гавриловка, Оренбургский уезд, 1925
26. **ИГЛА.** Оренбург, 1925 (?)
27. **К НОВОЙ ЖИЗНИ.** Оренбург, 1925—1926
28. **КЛИЧ МОЛОДЕЖИ.** Оренбург, 1925—1926
29. **КОЖЕВНИК.** Оренбург, 1925
30. **КООПЕРАТИВНАЯ ПОЛКА.** Оренбург, 1925 (издатель — транспортное потребительское общество Ташкент. ж.д.)
31. **КООПЕРАТИВНАЯ ПОЛКА.** Оренбург, 1925 (издатель — кооператор и П.П.О. Ташкент. ж.д.)
32. **КООПЕРАТОР.** Оренбург, 1925 (?)
33. **КРАСНЫЙ ГАЛСТУК.** Оренбург, 1925—1927 (на татарском языке)
34. **КРАСНЫЙ ГОСТОРГОВЕЦ.** Оренбург, 1925 (?) — 1927 (?)
35. **КРАСНЫЙ КИРПИЧ.** Оренбург, 1925—1926 (издатель — кирпичный завод № 2)
36. **КРАСНЫЙ КОЖЕВНИК.** Оренбург, 1925
37. **КРАСНЫЙ МЕДИК.** Оренбург, 1925
38. **КРАСНЫЙ ПАХАРЬ.** Дмитриевская волость, Каширинский уезд, 1925
39. **ЛЕНИНЕЦ.** Оренбург, 1925
40. **ЛУЧ.** Оренбург, 1925
41. **МЕСТКОМОВЕЦ.** Каширинск, 1925
42. **МОЛОДОЙ ПИСАТЕЛЬ.** Орск, 1925 (на татарском языке)
43. **НА СТОРОЖЕВОМ ПОСТУ.** Оренбург, 1925
44. **НА СТРАЖЕ.** Оренбург, 1925 (издатель — ячейка РКП(б) № 14 и ячейка РЛКСМ № 19 при Губсуде и местком)
45. **НА СТРАЖЕ.** Оренбург, 1925 (издатель — местком и ячейка РКП(б) губсуда)
46. **НА СТРАЖЕ.** Оренбург, 1925 (издатель — ячейка РКП(б) № 22 2-го райкома при конвойной роте)
47. **НАБОРЩИК.** Оренбург, 1925 (?)
48. **НАША КООПЕРАЦИЯ.** Оренбург, 1925—1926
49. **НАШ ЛУЧ.** Оренбург, 1925—1926
50. **НАШ ПЛУГ.** Оренбург, 1925
51. **НАШ ПРИЗЫВ.** Оренбург, 1925—1926
52. **НАШ ПУТЬ.** Оренбург, 1925 (издатель — ячейка № 10 РЛКСМ при школе № 34).
53. **НАШ ПУТЬ.** Оренбург, 1925 (издатель — ячейка РЛКСМ и учком школы взрослых № 1)

54. **НАШ ПУТЬ.** Илецк, 1925
55. **НАШ ТОЛКАЧ.** Оренбург, 1925—1926
56. **НАШ ШАГ.** Оренбург, 1925 (?)
57. **НАША ЖИЗНЬ.** Оренбург, 1925
58. **НАША ИСКРА.** Оренбург, 1925—1926
59. **НАША КООПЕРАЦИЯ.** Оренбург, 1925
60. **НАША КОРРЕКТУРА.** Оренбург, 1925—1926
61. **НАШИ ЗАДАЧИ.** Оренбург, 1925—1926
62. **НОВАЯ ШКОЛА.** Оренбург, 1925 (на татарском языке)
63. **ОГОНЕК.** Спасская волость, 1925
64. **ПЕРВЫЕ ШАГИ.** Оренбург, 1925
65. **ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ.** Оренбург, 1925
66. **ПЕРВЫЙ ШАГ.** Оренбург, 1925—1926 (издатель — кружок друзей книги при читальне Ц.Р.Н. музея)
67. **ПЕРВЫЙ ШАГ.** Оренбург, 1925—1926 (издатель — учком, факт. Ю. П. школы № 17)
68. **ПЕЧАТНИК.** Орск 1925 (?)
69. **ПОЛИГРАФИСТ.** Оренбург, 1925—1926
70. **ПРЕСС.** Оренбург, 1925—1926
71. **ПРИЗЫВ.** Оренбург, 1925—1926
72. **ПРОМБАНКОВЕЦ.** Оренбург, 1925
73. **ПУТЬ К ПРОСВЕЩЕНИЮ.** Оренбург, 1925—1926
74. **ПУТЬ ОЗДОРОВЛЕНИЯ.** 1925—1926
75. **ПУТЬ ПИЩЕВИКА.** Оренбург, 1925
76. **РАБЗЕМЛЕСОВЕЦ.** Оренбург, 1925—1926
77. **РАБКОР.** Оренбург, 1925—1926
78. **РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ.** Оренбург, 1925
79. **РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ. ПЕРВЫЕ ШАГИ.** Оренбург, 1925 (?)
80. **РАБОЧИЙ НАРПИТА.** Оренбург, 1925—1926
81. **РАССВЕТ.** Оренбург, 1925
82. **СВЕТ.** Оренбург, 1925—1926
83. **СКАЛПЕЛЬ¹.** Оренбург, 1925—1926
84. **СМЕНА.** Каширинск, 1925
85. **СМЫЧКА.** Ст. Маячная, Илецкий район, 1925
86. **СМЫЧКА.** Илецк, 1925
87. **СОВПАРТШКОЛЕЦ.** Оренбург, 1925—1927
88. **СОРТИРОВКА.** Оренбург, 1925
89. **СТАНОК И КНИГА.** Оренбург, 1925
90. **СТЕННАЯ ГАЗЕТА.** Оренбург, 1925
91. **СТЕНГАЗЕТА.** Оренбург, 1925
92. **СТЕН-ГАЗЕТА².** Оренбург, 1925
93. **СТЕПНАЯ ГАЗЕТА.** Оренбург, 1925 (на татарском языке)
94. **СТРОИТЕЛЬ.** Орск, 1925
95. **ТАЧКА.** Оренбург, 1925 (?)
96. **ТВОРЧЕСТВО ФАБЗАЙЦА.** Оренбург, 1925—1926
97. **ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПРОЖЕКТОР.** Оренбург, 1925 (?)

¹ Орфография оригинала.

² Орфография оригинала.

98. **ТРЕТИЙ ФРОНТ.** Оренбург, 1925
99. **ТРУДОВИК.** Оренбург, 1925—1926
100. **УТРО БУФЕТЧИКА.** Оренбург, 1925—1926
101. **ФИЛЬТР.** Оренбург, 1925—1926
102. **ФИНРАБОТНИК.** Оренбург, 1925
103. **ФОНОПОР.** Оренбург, 1925
104. **ШВЕЙНИК Ц. РАЙКОПА.** Оренбург, 1925
105. **ШКОЛЬНАЯ МЫСЛЬ.** Оренбург, 1925—1926
106. **ЮНЫЙ ОКТЯБРИСТ.** Оренбург, 1925 (?)
107. **ЮНЫЙ ПЕЧАТНИК.** Оренбург, 1925 (?)
108. **ЮНЫЙ СТРОИТЕЛЬ.** Орск, 1925 (?)
109. **БЕЗНЕН АДАМ (НАШ ШАГ).** Оренбург, 1925 (на татарском языке)
110. **ЯГИБУВУН [ЯШБУЗУК] (МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ).** Оренбург, 1925 (на татарском языке)
111. Стенгазета при губсуде, 1925—1927 (?)

1926

1. **ДВИГАТЕЛЬ.** Оренбург, 1926
2. **ЖИВАЯ РЕЧЬ.** Оренбург, 1926
3. **КОМСОМОЛИЯ.** Оренбург, 1926
4. **КРАСНЫЙ КИРПИЧ.** Оренбург, 1926 (издатель — Губсиликат)
5. **ПУТЬ К ИСПРАВЛЕНИЮ.** Оренбург, 1926
6. **СОВПАРТШКОЛЕЦ.** Оренбург, 1926 (на русском и татарском языках)
7. **ШАБЛОН.** Ст. Сырт, 1926
8. **ШКОЛЬНЫЙ ЭКРАН.** Оренбург, 1926
9. **ШПИЛЬКА.** Оренбург, 1926
10. **ЭХО.** Оренбург, 1926
11. **ЮНЫЙ НАРПИТОВЕЦ.** Оренбург, 1926

1927

1. **АВТОРАБОТНИК.** Оренбург, 1927
2. **БАНКОВЕЦ.** Оренбург, 1927
3. **ВЫСОКИЙ УРОЖАЙ.** Медногорский район, 1927
4. **ИНОВЕЦ.** Оренбург, 1927—1928 (?)
5. **КРАСНАЯ ШАПОЧКА.** Оренбург, 1927 (?)
6. **МУКОМОЛ.** Оренбург, 1927
7. **НАШЕ СЛОВО.** Оренбург, 1927 (издатель — коллектив служащих Пайзагторга)
8. **ПОМВРАЧ.** Оренбург, 1927—1928 (?) (на трех языках: русском, татарском и казахском).
9. **РАБОЧИЙ ГЛАЗ.** Оренбург, 1927
10. **РУБАНОК.** Оренбург, 1927—1929 (?)
11. **СВИНЦОВАЯ ПЫЛЬ.** Оренбург, 1927
12. **СВЯЗИСТ.** Оренбург, 1927
13. **СЛУШАЙ, КОМСОМОЛИЯ.** Оренбург, 1927
14. **ФИНРАБОТНИК.** Оренбург, 1927
15. **БИЛИМ САРКЕН.** Оренбург, 1927—1928(?)

16. Газета ячейки ВЛКСМ Селькредпромсоюза. Оренбург, 1927
17. Газета месткома Селькредпромсоюза, 1927
18. Газета Краснохолма, 1927

1928

1. **АВИОМАСТЕР**¹. Оренбург, 1928
2. **АВТОРАБОТНИК**. Оренбург, 1928
3. **АПТРАБОТНИК**. Оренбург, 1928
4. **БУДИЛЬНИК**. Кувандык, 1928
5. **ДВИГАТЕЛЬ**. Орск, 1928
6. **ДЕЛЕГАТКА**. Орск, 1928
7. **ДЕЛЕГАТКА-КУСТАРКА**. Оренбург, 1928
8. **КОМСОМОЛЕЦ В ПОХОДЕ**. Оренбург, 1928
9. **КООПЕРАТОР**. Орск, 1928 (?)
10. **КООПЕРАТИВНЫЙ МАЯК**. Орск, 1928
11. **КРАСНЫЙ КООПЕРАТОР**. Оренбург, 1928 (?)—1929 (?)
12. **КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ**. Пос. Кумак, Орский район, 1928
13. **ЛУЧ ЗНАНИЯ**. Орск, 1928
14. **МИЛИЦИОНЕР**. Орск, 1928
15. **МОЛОТ**. Акбулак, 1928
16. **НА СТРАЖЕ**. Оренбург, 1928
17. **НОВЫЙ БЫТ**. Орск, 1928 (?)
18. **НОВЫЙ БЫТ**. Оренбург, 1928
19. **ПЛАМЯ**. Орск, 1928
20. **ПРОИЗВОДСТВЕННИК**. Бугуруслан, 1928—1929
21. **РАБОЧИЙ ГЛАЗ**. Оренбург, 1928
22. **СВЯЗИСТ**. Орск, 1928
23. **СИГНАЛ**. Сара, 1928
24. **СТРОИТЕЛЬ**. Орск, 1928 (?)
25. **ТОПОР И ЯКОРЬ**. Оренбург, 1928
26. **ТРИЕР**. Орск, 1928 (?)
27. **ФОРСУНКА**. Оренбург, 1928 (?)
28. **ЮНЫЙ ОРЛЕСОВЕЦ**. Оренбург, 1928 (?) — 1929 (?)
29. Киргизская женская газета Буртинского района
30. Стенгазета мастерских военной школы
- 31—32. Две неназванные газеты по линии Орской дороги.

1929

1. **АВТОТРАНСПОРТ**. Оренбург, 1929
2. **ГОЛОС ПРОСВЕЩЕНЦА**. Оренбург, 1929
3. **ЗВЕНО КУЛЬТУРЫ**. Оренбург, 1929
4. **ИКОВЕЦ**. Оренбург, 1929
5. **КОМХОВЕЦ**. Оренбург, 1929
6. **КРАСНЫЙ ОБУВЩИК**. Оренбург, 1929
7. **КРАСНЫЙ ПЕРЕЦ**. Оренбург, 1929

¹ Орфография оригинала.

8. **КРАСНЫЙ ШВЕЙНИК.** Оренбург, 1929
9. **КУСТАРЬ И АРТЕЛЬ.** Оренбург, 1929
10. **ЛЕНИНЕЦ.** Оренбург, 1929
11. **ЛУЧ ПРАВДЫ.** Оренбург, 1929
12. **НА ПОСТУ.** Оренбург, 1929
13. **НА ПУТЯХ К ВУЗУ.** Оренбург, 1929
14. **НАЖДАК.** Оренбург, 1929
15. **НОВЫЙ ТЕХНИК.** Оренбург, 1929
16. **ОТБОЙКА.** Оренбург, 1929
17. **ПОЛИГРАФИСТ.** Оренбург, 1929
18. **ПРОСВЕЩЕНЕЦ.** Оренбург, 1929
19. **РАБФАКОВЕЦ.** Оренбург, 1929
20. **РАССЕВКА.** Оренбург, 1929
21. **СВОБОДНАЯ МУЗА.** Оренбург, 1929
22. **СЕРП И КНИГА.** Оренбург, 1929
23. **СИГНАЛ КОНДУКТОРА.** Оренбург, 1929
24. **СОВЕТСКИЙ КОММЕРСАНТ.** Оренбург, 1929
25. **СОРТИРОВКА.** Оренбург, 1929
26. **СТАТИСТ.** Оренбург, 1929
27. **СТЕПНОЙ КОВЫЛЬ.** Курорт «Красная поляна», 1929
28. **СТРУЯ.** Оренбург, 1929
29. **ТРУБАЧ.** Бугуруслан, 1929
30. **ЭХО.** Дом № 17 по ул. Советской, Оренбург, 1929
31. **КЫЗЫК УКУЧЕ.** Оренбург, 1929 (на казахском языке)
32. Стенгазета курсов железнодорожных мастеров Оренбург, 1929
33. Стенгазета строителей, 1929

1930

1. **ВЫСОКИЙ УРОЖАЙ.** Медногорский район, 1930—1960 (?)

1933

1. **ЗА КОМПЕДКАДРЫ.** Оренбург, 1933—1934
2. **ЗАРЯ КОЛХОЗА.** Нижняя Павловка, 1933—1934
3. **КРАСНЫЙ ШВЕЙНИК.** Оренбург, 1933—1934
4. **СТАХАНОВЕЦ.** Абрамовская МТС, Переволоцкий район 1933—1941
5. **УДАРНИК.** Колхоз «Алга», Абдулинский район, 1933
6. **ЯНГИ ТУРМЫШЬ.** Уранбашевский колхоз, 1933—1934
7. Стенгазета школы № 2.

1934

1. **КОТЕЛ.** Оренбург, 1934
2. **ЛУЧИ КУЛЬТУРЫ.** Оренбург, 1934
3. **МОЛНИЯ.** Оренбург, 1934
4. **УДАРНИК.** Сакмара 1934

5. **ЧЕПАЕВЕЦ**¹. Колхоз им. Чапаева Средне-Каргальского сельсовета, 1934
6—21. В педтехникуме выходит 14 курсовых газет, а также есть световая стенгазета.

1935

1. **КРАСНЫЙ СВЯЗИСТ**. Оренбург, 1935—1936
2. **УДАРНИК**. Газета молотильного агрегата Федоровского, Бузулукский район, 1935

1936

1. **ЗА МУЗЫКАЛЬНЫЕ КАДРЫ**. Оренбург, 1936—1937
2. Во всех колхозных бригадах Каргалы (Сакмарский район) выпущены стенные газеты, посвященные XIX годовщине Великой Октябрьской революции.

1937

1. **ЛУЧ**. Колхоз им. Молотова Сорочинского района, 1937
2. **МИКРОБ**. Оренбург, 1937—1938 (?)
3. **МОНТАЖНИК**. Бузулук, 1937
4. **МОТОР**. Бузулук, 1937
5. **РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОРЯДОК**. Оренбург, 1937—1938 (?)
6. **СИГНАЛ**. Оренбург, 1937
7. **СТАХАНОВЕЦ**. Мордово-Боклинский район, 1937
8. На выставке стенных газет г. Оренбурга были представлены 33 газеты (в том числе «ОБУВЩИК» «РЕЗАК», «ВПЕРЕД», «СТАХАНОВЕЦ», «НА СТРОЙКЕ», «КРАСНЫЙ МАСЛОБОЕЦ», «СНАБЖЕНЕЦ», «ВПЕРЕД», «ЗА МУЗЫКАЛЬНЫЕ КАДРЫ», «ФИНУДАРНИК»).

1938

1. **ГОЛОС КОЛХОЗНИКА**. Колхоз «Поход» Мустаевского района, 1938
2. **ЗА ВЫСОКИЙ УРОЖАЙ**. Архангельский сельсовет, 1938
3. **ЗА ЗДОРОВЫЙ МОТОР**. Оренбургский район, 1938
4. **НЕФТЬ**. Бугуруслан, 1938
5. **РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОРЯДОК**. Чкалов, 1938—1950 (?)
6. **РЕМОНТНИК**. Оренбург, 1938
7. **СТАХАНОВЕЦ**. Краснохолм, 1938
8. **СТАХАНОВЕЦ**. Струковский сельсовет, 1938

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru

¹ Орфография оригинала.

UDC 94(470.56)“1922/1938”:002(09)

D. A. Safonov**Wall newspaper as an element of Soviet reality of 1920—1930**

Years of research and studying of the wall newspapers of the Orenburg region at the initial stage of their existence in the first decades of Soviet rule are summarized in the article. During this period wall newspapers were perceived like an unconditional part of periodicals as they carried the same functional responsibilities as the rest of Soviet press. The change in the authorities' attitude towards the wall newspapers in the 1930s was motivated primarily by changes in the means of printed agitation and as the party staked on agitation in the printed editions. For the first time the catalogue of wall newspapers is made.

Key words: wall newspapers, reporters, propaganda, censorship.

Safonov Dmitriy Anatolievich, Doctor of Historical sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: d_safonov@mail.ru